

Олег
Ермаков

Песнь тунгуса

Самое время!

Олег Николаевич Ермаков

Песнь тунгуса

«WebKniga»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)

Ермаков О.

Песнь тунгуса / О. Ермаков — «WebKniga»,
2017 — (Самое время!)

ISBN 978-5-96-911612-2

Магический мир природы рядом, но так ли просто в него проникнуть? Это возможно, если есть проводник. Таким проводником для горожанина и вчерашнего школьника, а теперь лесника на байкальском заповедном берегу, становится эвенк Мальчакитов, правнук великой шаманки. Его несправедливо обвиняют в поджоге, он бежит из кутузки и двести километров пробирается по тайге — примерно так и происходили прежде таежные драмы призвания будущих шаманов. Воображаемая родовая река Мальчакитова Энгдекит протекает между жизнью и смертью. Несет она свои воды и между домиками, населенными отшельниками-учеными, мечтающими о заповеднике нового типа, в котором сохранялись бы не только звери и птицы, но и его работники — трудяги и созерцатели, начертавшие на своем знамени девиз нестяжательства. Обтекаемая рекой Энгдекит, стоит на берегу гора Бедного Света, где ткут свой извечный диалог Адам и Ева. Пара орланов, кабарга и медведь — тоже герои этой книги, получившие в ней право голоса. И эти голоса вместе с голосами людей звучат красочной и драматической песнью, «Песнью тунгуса».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-96-911612-2

© Ермаков О., 2017

© WebKniga, 2017

Содержание

Информация от издательства	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Олег Ермаков

Песнь тунгуса

Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился странный сон: мы – я и Дерсу – были на каком-то биваке в лесу.

В. Арсеньев. Дерсу Узала

Затем он поехал через Орлиную Пустошь и вечером приехал в Солнечные Дворы.

Сага о Ньяле

*Пусть вдова позабудет про мужа —
Рыбака спеленала волна.*

В. Меньшиков

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Ермаков, О. Н.

Песнь тунгуса: роман / Олег Николаевич Ермаков. – М.: Время, 2017. – (Самое время!)
ISBN 978-5-9691-1612-2

Магический мир природы рядом, но так ли просто в него проникнуть? Это возможно, если есть проводник. Таким проводником для горожанина и вчерашнего школьника, а теперь лесника на байкальском заповедном берегу, становится эвенк Мальчакитов, правнук великой шаманки. Его несправедливо обвиняют в поджоге, он бежит из кутузки и двести километров пробирается по тайге – примерно так и происходили прежде таежные драмы призвания будущих шаманов. Воображаемая родовая река Мальчакитова Энгдекит протекает между жизнью и смертью. Несет она свои воды и между домиками, населенными отшельниками-учеными, мечтающими о заповеднике нового типа, в котором сохранялись бы не только звери и птицы, но и его работники – трудяги и созерцатели, начертавшие на своем знамени девиз нестяжательства. Обтекаемая рекой Энгдекит, стоит на берегу гора Бедного Света, где ткут свой извечный диалог Адам и Ева. Пара орланов, кабарга и медведь – тоже герои этой книги, получившие в ней право голоса. И эти голоса вместе с голосами людей звучат красочной и драматической песнью, «Песнью тунгуса».

© Олег Ермаков, 2017

© «Время», 2017

Часть первая

1

Илэ¹ стал невидим после выстрела, но режиссер был чем-то недоволен и настоял на повторении эпизода. Мишу Мальчакитова с залитым кровью лицом, в промокшей от крови телогрейке, которую он прихватил в последнем зимовье на Покосах, обвязали под мышками веревкой, перекинули конец через сук сосны и стали подтягивать. Посветили фонариками. Было уже сумеречно.

– Надо стереть кровь! – крикнул кто-то.

И его опустили, проворно отерли лицо тряпкой. Но кровь из черно-белесой раны на лбу снова вытекала на лицо, собиралась на бровях, черными полосами змеилась на впалые щеки. Илэ Миша исхудал за много дней бега в родные края из кутузки, ага.

– Ладно, дадим общим кадром, без детализации, не укрупняя! – вновь раздался повелительный голос. – Только фигуру. Пошли!

И мужики снова натужились, налегли на веревку, и небольшое тело эвенка, покачиваясь, поползло вверх, прислонилось к сосновому стволу.

– Пускайте медвежат! Камера!..

Громко застрекотала камера на плече оператора. К сосне подбежали медвежата, забавные, мягкие. Там лежал мешок с топором, лопатой и ведром, которые Миша взял в том же зимовье на Покосах, с пожарного щита, укомплектованного, видимо, из-за прибытия гостей зарубежных, съемочной группы, а так-то там всегда пусто было. Эти вещи могли пригодиться беглецу в дальнейшем. Да еще он собирался в другом зимовье на перевале разжиться лампой и соляжкой – и уйти на восток, в сторону солнца и океана...

И теперь, по замыслу режиссера, медвежата должны были зацепить мешок, чтобы раздался грохот железа, который и услышали семеро: следователь Круглов, два его подручных, похожие друг на друга, плотные, бодрые, деловитые, лесничие и лесники, – отряд, отправившийся на поимку беглого эвенка Миши Мальчакитова. Мешок еще раз обмазали сгущенкой, чтобы привлечь медвежат. И те принялись возиться с мешком, похрюкивая и чмокая. Идущие по тропе остановились, вспыхнул луч фонаря, сразу выхватив фигуру беглого эвенка.

– Давай Глашку!

Так звали медведицу. Медвежат поманили вниз. Глашка, переваливаясь, появилась из сумерек. Послышались голоса. Медвежата заворчали внизу. Глашка двинулась туда. Раздались крики, вспыхнули новые фонарики. Выстрел. Второй. Рычание. Глашку заставили бежать назад, к сосне. И тут-то и сверкнул последний выстрел, после которого илэ стал невидим... о, нэкукэ!² Как будто и вправду Вечерняя Звезда – Чалбон – сама понеслась в эту тайгу и озарила лицо Миши и поглотила эвенка.

Но чья-то воля вернула илэ.

А путь на родину – лазурную Чалбон – далек... очень далек...

Так Миша и вступил на него.

¹ Человек (эвенк.).

² Внук (эвенк.).

2

Из свежесрубленных кедровых жердей лесники соорудили носилки, положили на них безжизненное легкое тело с обмотанной тряпками головой и, светя фонариками, понесли илэ к лазурной, сверкающей над гольцами хребта среди кедровых крон Чалбон.

Лесничий Аверьянов пытался выйти по небольшой рации «Карат» на связь с поселком, центральной усадьбой заповедника, но ему не отвечали.

– Спят, черти!.. Центральный, Центральный, я Хиус³, прием.

Центральный молчал.

Следователь Круглов по своей рации попробовал связаться с дежурным, но тот находился на двести с лишним верст дальше центральной усадьбы, связи мешали горы. Надо было затребовать санрейс. Но еще неизвестно, летной ли будет погода. Да и вообще, нужна ли медицинская помощь? Мальчакитов не подавал никаких признаков жизни.

Стреляли в разъяренную медведицу трое: лесничий Андрейченко и крепкие милиционеры, подручные Круглова, из табельного оружия, у одного это был пистолет Макарова, у другого ТТ. И кто-то из них попал в эвенка. Шагали молча, тяжело дыша.

– Меняемся?

В темноте к тем, кто держал носилки, приблизились трое. Четвертого заменить было нечем, и он шел дальше, напрягаясь. Это был молодой лесник Шустов. Он утирал потное лицо, глядел вперед, не различая тропы, пока снова не загорелся фонарик в руках опередившего всех Андрейченко.

– Сюда, парни, – звал хрипло Андрейченко. Голос у него сел.

Шустов жалел, что согласился пойти с этим отрядом. На самом-то деле ему не хотелось, чтобы беглеца поймали. По духу он сам был беглец или бегун, была такая секта старообрядческая, уходившая от власти, царя, из городов в глушь. У позавчерашнего советского школьника Олега Шустова не было, конечно, той веры. На Байкал, в заповедник он приехал вместе с другом Валеркой сразу после окончания средней школы в прошлом году, влекомый лишь романтикой. Но, видимо, в этом рюкзачном движении, охватившем не только советских школьников, студентов и даже зрелых творческих людей, склонных к авантюризму, но и – еще десятью, пятнадцатью годами раньше – американских беспокойных парней, сказывалась всеобщая усталость именно от городов, этих бастионов власти и царящих в них порядков; а главное, в бегстве от цивилизации была та же надежда на возвращение в места чистые и благословенные, сиречь райские. Шустову попался в каком-то журнале рассказ о легендарном Иоанне, пресвитере, средневековом правителе затерянной где-то в Азии страны, в которой росло дерево Сиф, и прибывших путешественников пресвитер сам предостерегал обходить это дерево «с другой стороны», но один старый пилигрим не послушался и ступил «на ту сторону» – там и пропал, путешественники в страхе поспешили уйти, хотя кто-то и думал, что, может быть, старик был счастлив... Вот такие примерно легенды до сих пор и питают тайно детские чаяния странников всех мастей, хотя вряд ли кто-то из них способен признаться в этом. Ведь и Шустов порой думал... думал: а кто знает, в каком именно месте Азии было царство пресвитера Иоанна? Байкал в самой глубине Азии лежит, невероятный и грандиозный, словно чистое царство.

Но сейчас на сердце у Шустова было скверно. Да и у остальных. Никто не думал, что поход за беглецом обернется стрельбой, смертью... Или Миша жив? Шустов затаил дыхание на миг, прислушиваясь, но ничего не уловил, кроме мерных шагов да шмыганья следователя, он простыл.

³ Хиус – северный ветер на Байкале.

Над тайгой сверкали созвездия. И ярко горела, переливаясь синим огнем, Венера. К ней на самом деле они и направлялись. Но никто не знал об этом.

Чалбон ее имя. Там родина всех эвенков. Вход – Сангарин Буга, Полярная звезда, найдешь по Лосям. За лосем ушел охотиться дед Миши – и пропал.

Догони его, нэкукэ.

Но он уже давно стал птицей, чипиче-чиче⁴, энэкэ⁵.

Станешь и ты, нэкукэ.

А кто это кино делает?

Какое, нэкукэ?.. О чем говоришь?

Но ведь с самого начала здесь ходил мужик с большой такой камерой, а ему указывал другой, с берестяной маской на лице. Режиссер, однако?

Поздней ночью они пришли в зимовье. Замешкались, не зная, заносить ли носилки с эвенком внутрь или оставить на улице. Андрейченко склонился над Мальчакиным, освещая ему в лицо, но на него сползла черная от крови тряпка. Андрейченко повернулся к нему ухом, стал слушать.

– Ну чё? – спросил угрюмый лесничий Аверьянов, закуривая.

– Надо пощупать пульс, – сказал следователь, подходя ближе.

Он сам взялся за запястье эвенка. Все стояли поодаль, ждали в темноте. Отсюда лучше виден был хребет, Покосы давали открытую перспективу. Над горами и пустыми полянами густо наливались звезды то синим, то белым, то алым и зеленоватым светом. Пахло табаком, порохов, кровью. Тряпка на голове эвенка вся пропиталась кровью. Аптечки ни у кого не было. В зимовье тоже. Лесники никогда не брали с собой в тайгу хотя бы бинт и йод. То ли по беспечности, то ли из суеверия. И Шустову пришлось рвать рубашку, когда стрела переносной лебедки, которой они пытались вытащить на берег брошенный на камнях катер рыбаков, раздробила ногу страннику по заповедникам леснику Роману, лопнул трос. В тайге всякое могло случиться. Зимой лыжник рисковал напороться на присыпанный снегом ствол или валун. Летом можно было и с мишкой поцапаться. Или просто рубануть топором мимо полена и попасть по ноге. И все равно лесники брали с собой только еду, спички, ножи, кружки, ложки. Топоры были в каждом зимовье. Иногда и пилы. А также котелки, чайники.

– И чё? – спросил широкоплечий волосатый Аверьянов, поворачивая тяжелое темное лицо к следователю Круглову.

– Кажется, готов, – сказал Круглов.

– Ушел все-таки, – добавил один из милицеевских ребят с усмешкой.

– Мертв? – проговорил длинный нескладный чернолицый Андрейченко с каким-то странным одушевлением.

Воцарилось молчание. Шустов тупо смотрел на носилки. Но уже думал... думал, что напишет Валерке, уехавшему отсюда еще в феврале, вернувшемуся на Большую землю, на запад, в Смоленск, обо всем этом. Тайну Мальчакина унес с собой. Тайну одного захоронения, обнаруженного Мальчакиным где-то здесь, в этих – некогда принадлежавших его роду и прабабке шаманке Шемагирке – угодьях. Миша рассказывал о нем, подпив спирта в зимовье во время зимних полевых работ по учету зверей, Валерке. И Олег с Валеркой думали, что в этом захоронении в лабазе можно найти всякие древние штуки, ну, относительно, конечно, древние, может, времен прабабки Мальчакина. Но для тайги это древность. В тайге все быстро превращается в плесень и труху: кости, кожа, дерево, бумага, ткань. Ржавеет и рассыпается железо. Золото – да, лежит долго. А Мальчакин нашел старинное платье, украшенное металлическими вещицами, бубен, что-то еще. Взял с собой только одну железную

⁴ Синица (эвенк.).

⁵ Бабушка (эвенк.).

фигурку – сэвэн, то есть помощника. После армии хотел снова туда прийти, отыскать место. Отслужил, вернулся на работу в заповедник. Да через три месяца уже сидел в камере. В поселке случился пожар, сгорели магазин и стоявшая рядом «Орбита», только что построенная телестанция с завезенным оборудованием. Пожар, как установило следствие, начался в «Орбите», где сварщик Кузьмич, средних лет мужик с разными глазами, доводил до конца свои работы. Кузьмича сразу и арестовали и увезли. А потом выяснилось, что последним оттуда уходил эвенк Миша Мальчакидов, вчерашний дембель, приставленный к Кузьмичу помощником. Кузьмича выпустили, Мишу забрали. И уже всем было ясно, что парню не отвертеться. В тот вечер был он пьян. Шустов нашел его в своем доме, вернувшись со дня рождения Виктора Петрова, бывшего геолога, а ныне пекаря в заповеднике. Двери в заповеднике не запирались. Ну а позже обнаружилась пропажа канистры, в которой Шустов держал керосин для лампы. И эту канистру нашли на пожарище. Следствию эти подробности сообщил лесничий Андрейченко. Олег Шустов думал уже, что вместо армии угодит под следствие. Но все повесили на эвенка. А Шустов в армию никак не мог попасть: не на чем было добираться до призывного пункта за морем, как тут все называли Байкал. Погода нелетная, ледовая дорога закрылась.

Ждал молодой лесник и уехавшую на Большую землю, в Ленинград Кристину: ее вызвали телеграммой о тяжелой болезни деда. И это было главной причиной его участия в поимке Мальчакидова. Дни бесполезного ожидания, глядения в низкие небеса, на горы, затопленные туманом – из-за которых должен был появиться самолет, – извели его. И он думал, что уйдет в тайгу с отрядом, а когда вернется... вернется и еще издали увидит дымок над трубой в той половине большого бревенчатого дома, где жила Кристина, а после ее отъезда в Ленинград – он, лесник Шустов. Кристина сама предложила ему переселиться. Лесники и бичи, временные рабочие, постоянно перемещались из одного дома в другой. Шустов с Валеркой начинали свое житье на заповедном берегу в одном доме, потом перешли в другой, потому что в их доме была жуткая холодина, углы промерзали, надо было перекладывать печку. Поселились они у лесничего Прасолова. Но к Прасолову в конце концов прилетела невеста, крутощекая кареглазая Катя. И Шустов собирался уйти жить к бичам, в Клоповник (Валерка-то уже улетел назад в Смоленск). И Кристина позвала его. Но это еще ни о чем не говорило. Все считали, что Кристина, сбежавшая из института и от родителей на заповедный берег, уже одумалась и никогда не вернется сюда, в медвежий угол. Никто не знал ее адреса, даже подружившаяся с ней секретарша директора заповедника, миловидная жена Петрова Люба. Или знала, но не хотела говорить бедняге Шустову? А то ведь он уже готов был отправиться в далекий город на Неве. Ну, если не попадет на призывной пункт за морем с раскисшим сиреневым и почерневшим льдом, ездить по которому уже было невозможно. А он туда совсем не торопился.

...Вон Миша Мальчакидов пешком пришел из поселка с военкоматом сюда, в заповедник. Километров двести таежным берегом.

А теперь лежит на носилках перед зимовьем, и нет для него ни звезд, ни весеннего ветра с Байкала, ни надежд, ни ожиданий. Пустота.

В зимовье уже горела керосиновая лампа. Шустов поглядывал на Андрейченко, на крепчайшей милиционер. Каково им сейчас? Кто-то из них ведь и выпустил роковую пулю. Но Шустову казалось, что все они виноваты. По крайней мере, он остро ощущал свою вину. И думал, что даже лучше бы уже маршировал в кирзачах по плацу. Миша Мальчакидов еще в первую встречу – а он тогда пешком шел с дембельским чемоданчиком по тайге вдоль Байкала, попросив посадить его с катера, – показался ему каким-то обреченным... или точнее беззащитным... нет, как сказать? Эвенк ведь ловкий таежник, мастеровитый, что касается таежного быта, снаряжения. Тем более получил армейскую закалку. А все равно была в нем какая-то хрупкость и простота. Шустов завидовал другу Валерке, когда тот пошел в зимние

полевые с Тунгусом, как они его между собой называли. А Шустову в напарники достался ижевский молодой мужик, белобрысый и синеглазый Толик, любитель Пришвина и игры на аккордеоне. Толик об аккордеоне, купленном во время отпуска в Иркутске, все вздыхал, иногда шевелил толстыми сильными пальцами в воздухе, как бы пробегаясь по клавишам. И жалел, что аккордеон штука тяжелая, вот нельзя тащить – он иногда нарочно или нечаянно коверкал слова – в поняге⁶ за спиной. А Валерка шел тем же маршрутом – от поселка в гольцы, через перевал – вдвоем с Мишкой Мальчакиным и слушал его рассказы о тайге, об армии. О тайге Миша знал все. Вот у кого поучиться. Но Валерка взял и уехал на запад, в Смоленск с полученными знаниями. Хотел перед армией встретиться со своей пассией, *погулять цивилично*, как он говорил. Шустов остался. О Байкале он мечтал с младых ногтей почему-то. Бывают, наверное, судьбоносные мечтания. И судьба как будто начала свершаться здесь: он полюбил рыжую белокожую Кристину... А что дальше?

Этот вечер, эту ночь Шустов хотел бы вымарать из рукописи своей судьбы, ну или как это все называется.

Зимовье на Покосах было просторное, больше обычного. Отсюда начинались маршруты по таежным кругам: по северному и по южному. Лесников сюда привозили трактором на саях: тракторист загружал сено, а лесники шли на лыжах дальше проводить учет зверья. Во время косябы здесь жили мужики и бабы. Широкие нары вытянулись вдоль бревенчатых стен. На них сейчас и повалились уставшие ребята. Андрейченко все-таки развел огонь в железной печи, труба быстро загудела сосновым пламенем. Андрейченко спросил у компании, кипятить ли чай, все отказались, кроме простывшего, все шмыгавшего носом следователя Круглова. Но когда захлопотал крышечкой чайник, следователь уже всхрипывал в своем углу на нарах. Спал и второй лесник. А остальные нет. Тут уже всем захотелось чая. И Андрейченко щедро насыпал заварки. Достали кусковой сахар, хлеб, масло. Круглова попытались разбудить, но тот не просыпался. А второй лесник очнулся и тоже принялся отхлебывать из железной кружки.

Андрейченко закурил, взглянул на другого лесничего, лохматого Аверьянова.

– Что будем делать с медведицей, Боря?

Тот хмурился, дул на чай, молчал.

– Оформлять протокол надо, соответствующе, – продолжал Андрейченко. – Посылать в Главохоту... Замучают протоколами.

Борис Аверьянов взглянул на него, тяжелое его лицо как-то дернулось, толстые губы скривились. И Андрейченко что-то прочел в его взгляде, и у него пропала охота говорить дальше.

Но тут один из милицеевских ребят вспомнил о медвежатах: куда, мол, они подеваются теперь? Надо ли их отлавливать? Выживут? Пропадут? И сколько их было всего?

Борис Аверьянов ответил ему, что медвежата без матушки, конечно, сгинут, сожрет медведь.

– Как медведь? – спросил второй милиционер.

– Да так, сожрет. А больше некому. Волки сюда давно не заходят.

Вился табачный дым, звякали кружки, нож, хрустел в крепких зубах кусковой сахар.

– Или россомаха, – добавил Аверьянов глухо.

Носилки с телом эвенка в зимовье решили не заносить, поставили под пожарным щитом, разрезали мешок и накинули мешковину сверху. Утром Шустов с другим лесником должны были пойти в поселок за трактором, если так и не удастся выйти на связь с Центральным. Бежать ночью в поселок за фельдшером Тамарой, женой ученого-соболятника Могилевцева, уже было бессмысленно.

⁶ Поняга – прообраз рюкзака, устройство для переноса грузов за спиной в тайге.

Еще поговорили, дымя сигаретами и папиросами, и начали умолкать... В конце концов все в зимовье храпели, посапывали, а печка, набитая напоследок дровами до отказа, гудела тревожно, как паровоз, мчащийся сквозь мироздание. Было даже жарко. Но под утро всех зазнобило. Печка давно прогорела. А весенние ночи холодные. Даже на расстоянии от ледяного Байкала идет хладное дыхание. Весной Байкал хранилище холода. И с заснеженных гольцов вниз опускался холод. И в зимовье мужики уже натягивали во сне все на себя, что было под рукой, приваливались друг к другу. Но встать и возиться с дровами, печкой никто не хотел.

Серый свет входил с Покозов в зимовье сквозь небольшие окна. Здесь даже было два окна, хотя в обычном зимовье – одно и поменьше размером. Шустов, проснувшись, то глядел прямо перед собой, то закрывал глаза, вспоминал, как они ночевали здесь с Валеркой, ставили вокруг стогов петли на зайцев, охранники зверья заповедного. И ему еще эти стога напомнили... Францию. Потом все объяснилось: в доме у Кристины, только что прилетевшей с Большой земли, висел на стенке старый календарь с репродукцией картины Клода Моне «Стог сена в Живерни». Французским светом как будто и было все время озарено лицо Кристины. Хотя при первой встрече она напомнила ему почему-то англичанку: бледная, рыжая. Ленинград и есть Англия и Франция, ну, то есть петровское окно туда... С Валеркой они некоторое время соперничали, но потом... потом Кристина взяла на прогулке по ледяному заливу его за руку... или Шустов сам поймал ее руку, когда она сняла варежку. И Кристина руку не вынимала из его жаркой пятерни. С тех пор они ходили на прогулки уже вдвоем, без Валерки.

Все эти соображения мгновенно пролетели в голове молодого лесника, и он даже почувствовал воодушевление от предстоящего – вот через час уже – возвращения в поселок... Но тут же воодушевление и погасло. Нелепая гибель Миши Мальчакитова, Тунгуса, снова заслонила все, нависла каким-то сновидческим дурным мороком. Миша мертв. Прodelал такой путь, сбежал из кутузки в городском поселке на севере моря и берегом пробирался в родные края. Два года томился в армии, в Даурии за Читой, без моря и тайги, там степи. Немного на воле пожил – и снова лишился свободы. Видно, совсем неумоготу стало, выдалась возможность – и рванул в ботинках по весенней тайге, через полноводные речки... Может, Шустов и сам так поступил бы. Даже если бы был виноват в пожаре. А вина Миши неочевидна еще. Но куда бежать? К оленеводам в Чару? Как прошлой осенью Шустов и сделал. Вдруг все ему осточертело здесь, показалось скучным и слишком *цивильным*, а мечталось о каких-то патриархальных условиях, почти диких... Странная мечта горожанина. И он, не взяв даже трудовую книжку – ажалай дэбтэр, по-бурятски, – собрал рюкзак и тайно улетел. Куда? Ну, сперва на север моря, а потом на юг – в Улан-Удэ. Хотел на Чару, речку в Забайкалье, где кочуют оленеводы. Да погода была нелетная потом, рейсы на Чару отменены. Сидел он, сидел в Улан-Удэ в аэропорту, читая прихваченную из библиотеки, то есть, по сути, украденную, книжку, трагедии Софокла, Еврипида, почему-то стих этот эллинский на него нашел. И за время сидения в аэропорту весь запал вышел, вдруг открылась истина заповедного берега: не найдешь больше нигде такого. Вернулся и встретил Кристину. Точнее, встретил-то ее раньше, когда как раз сбежал из заповедника, пер рюкзак на взлетную полосу позади поселка. А она прилетела с большой земли, тоже сбегая от каких-то проблем с родителями, институтом, преподавателями... Об этих проблемах она так никогда и не рассказывала. И там, перед аэропортом центральной усадьбы они столкнулись, взглянули друг на друга и разошлись, казалось бы, навсегда. Но спустивший все деньги в Улан-Удэ лесник вернулся и был снова благосклонно принят директором, видевшим на своем веку и не таких персонажей этого эпоса авантюристов под названием «Работа в заповедниках СССР»: заповедников больше ста, раскиданы по всей стране, по берегам морей, по пустыням и горам, по тайге и широколиственным лесам. И романтики и просто странные люди кочевали из

заповедника в заповедник, редко кто оседал надолго. Опальные чиновники, врачи, художники, не нашедшие признания, бывшие геологи, культработники, летчики, списанные по здоровью, разочарованные спортсмены, непризнанные мыслители и спасители человечества и всей природы и даже органисты, точнее – настройщики органов из Таллина, как Генрих, или Гена Юрченков, устроившийся в заповеднике пожарным.

Миша Мальчакилов тоже вписывался в заповедный эпос бродяг, хотя и был коренным жильцом Подлеморья, как издавна называли этот берег. Здесь он родился. Здесь кочевали, охотились его предки, камлала великая шаманка Шемагирка. Потом царь учредил заповедник, эвенков потеснили, кого-то приняли и на работу стражниками, но в основном они откочевали в другие места. Дядька Миши Иннокентий тоже стал лесником в заповеднике. А его брат, отец Миши, устроился на рыбозавод на Ольхоне. Там, в Малом море, и потонул вместе с женой, отправившись на свадьбу к брату, долго было ждать пароход, отчаянный был человек. И Миша поселился у дяди Иннокентия и тети Зои, да еще бабка Катэ была жива. У них он и жил. А все как будто странствовал: после школы поступил в зооветтехникум, не вынес жизни в общежитии и в городе, да и науки – сбежал. Потом армия, рембат в Даурии. Возвращение. Пьяный дембельский кураж у Миши затянулся. Ну, не кураж, а упоение свободой и огненной водой. Его уже из комсомола собирались исключать за это, секретарша Славникова, чернобровая глазастая хохлушка, охотилась за ним как раз перед пожаром, прознав, что он нарушил торжественно данное обещание вести трезвый образ жизни и запил вместе с бичами. И тут полыхнул пожар. Мишку забрали. Но он бежал... Нелепая какая-то жизнь, как и у большинства из племени этих кочевников, временных жильцов в том или ином заповеднике.

Шустову показалось, что... что к окну за его головой кто-то подошел. Было тихо. Ну, только сопел рядом Андрейченко. Но перед окном кто-то точно стоял. Шустов повернул голову. Перекрестие рамы. Мутное стекло, очертания голой лиственницы.

И мгновенно Шустов осознал всю странность происходящего: это зимовье, спящие вповалку, серый свет в окошках, запах табака, смолы, сапог, портянок... Покося, гольцы, тайга, расходящаяся волнами по долине – к Байкалу в одну сторону и вдоль гор на восток – в другую, куда-то к Чаре и еще дальше, к океану. Ложки, кружки, пачки папирос и сигарет, спичечный коробок, закоптелая лампа на столе, белеющий сахар. Железная печка, топор, воткнутый в полено. На гвозде ружье Андрейченко, какое-то затаенное.

На самом деле он не должен всего этого видеть. Ему надлежит сейчас быть в казарме или в родном старинном Смоленске с крепостными стенами, собором, корявыми садами по склонам оврагов или, как там говорят, *гор*. На Байкал они приехали вдвоем, но Валерка через семь месяцев улетел назад. А Шустов уже не мог просто так покинуть этот берег. И вот теперь лежит здесь на широких нарах и чувствует себя соучастником скверного действия, какого-то дурацкого муторного спектакля или любительского фильма – в профессиональном-то кино все по-другому, эффектнее, чище, быстрее...

В заповеднике сейчас как раз съемочная группа всемирно известного Джеральда Даррелла. Из Главохоты даже прислали вертлявого типа Некляева со своим сценарием. Главными героями назначены директор и старший лесник кордона Герман Васильевич. Но Даррелл предпочел других героев: соболя, пойманного Могилевцевым, и нерпу. И эту банду спящих мужиков, ментов и лесовиков, ему снимать уж явно не с руки. Да никто и не позволил бы. Некляев лег бы костями на пути оператора. Виктор Петров, бывший геолог, а ныне пекарь, исполняющий на гитаре фламенко, заметил, что от Некляева за версту разит ищейкой совсем не Главохоты. Органист, то есть настройщик органов, Гена Юрченков тут же с ним согласился: этот Некляев два часа пытал его, выуживая сведения не только о жителях поселка, но и о жителях далекого Таллина. «Имена? Явки?» – с улыбкой спросил Петров.

«Хотя, – тут же подумал Олег Шустов, – Валерка уже, скорее всего, не в Смоленске, а в казарме. А я пока на свободе. И эта свобода ворованная».

Сейчас, не задумываясь, он променял бы таежную свободу с бревенчатыми стенами и серым светом в окнах на стены казармы и плац. Но еще лучше – оказаться на Невском проспекте, да вот в форме лесника, в плаще цвета морской волны с нашивками и фуражке. Форму им выдали, как только перевели из рабочих лесного отдела в лесники. Валерка свою с сожалением сдал, уезжая. А Шустов еще нет, шинель, плащ, ботинки, сапоги, зимнюю шапку, фуражку и темно-синий шерстяной костюм. Чем не армейская экипировка? Раньше егерей не брали в армию.

Только что Шустов готов был совершить обмен таежной действительности на другую, армейскую действительность и уже передумал. Все-таки он хотел дождаться возвращения Кристины. Он представлял себе хорошо пытку: получить письмо в армии от лесничего Сергея Прасолова или его кареглазой Кати о том, что Кристинка приехала. Нет, уж лучше пускай не возвращается. Тут ее сразу возьмут в осаду разные Аверьяновы. То есть нет, пока он здесь, пускай возвращается, а если... если... Запутавшись в своих желаниях, лесник Олег снова отключился. Все же вчера и ночью он здорово устал.

Остальные тоже спали. Чуть позже очнулся Аверьянов, покрутил лохматой башкой, хмурясь, потянулся через спящего лесника к железной кружке на столе, взял ее. Но в кружке было пусто. А ему хотелось смочить пересохшую прокуренную глотку. Чайник стоял на другом краю. И, поморщившись, лесничий снова лег – и тут же уснул.

3

Все в зимовье заспались и были внезапно разбужены рацией. Значит, Аверьянов забыл ее отключить или она сама включилась. Он вскочил как ошпаренный, безумно озираясь.

– Хиус, Хиус! Говорит Центральный! – захрипела рация. – Как слышите, прием?

Аверьянов встал, щурясь, зачесывая густые пегие волосы мощной пятерней, прокашлялся.

– Да! Я Хиус... – выдохнул сипло и взял чайник, отпил из носика. – На связи, Центральный, прием!

– Почему не отвечали, почему не отвечали?

– Как не отвечали?! – гаркнул Аверьянов с возмущением, и тут уже в зимовье все окончательно проснулись. – Я вас всю ночь вызывал!

– Ночью не было связи, не было связи, – просто ответил Центральный.

Крепыш милиционер с глазами-пуговками и округлым подбородком, почерневшим от щетины, громко зевнул, потягиваясь, слез с нар, обулся и направился к выходу.

– Сообщите им о трупе, – сказал Круглов и высморкался в мятый платок.

Аверьянов покосился на него.

– Центральный, я всю ночь вас вызывал, у меня сообщение... сообщение. У нас чепэ. ЧеПэ! Чрезвычайное... чрезвычайный... Несчастный случай. Мальчакитов убит. Как поняли, прием? Центральный, я Хиус.

Рация раздраженно хрипела, шелестела, посвистывала, шум эфира стал каким-то яростным, Центральный ничего не отвечал.

– Центральный, я Хиус, как слышите?

И снова все слушали напряженный хрипящий эфир.

Но вместо ответа Центрального со стуком распахнулась тяжелая дверь из широких плах. В проеме стоял милиционер. Глаза-пуговицы на его бледном лице пронзительно чернели.

– Это... мужики, – как-то странно, замедленно произнес он, – а его там нет.

Круглов оглушительно чихнул.

Рация ржavo заскрежетала, пытаясь что-то произнести.

– Черт! – выругался Круглов, утираясь платком. – Семенов, что ты имеешь в виду?

Семенов кивнул на улицу и спокойно повторил:

– Его там нету.

Спокойный тон и замедленные движения не вязались с бледным лицом и лихорадочно черными глазами.

Аверьянов оставил «Карат» и, не обуваясь, в одних носках пошел на улицу.

– Хиус, Хиус! Я Центральный, что случилось? Что происходит? Прием. Как поняли, прием?! Прием... – дальше последовал мат.

Но никто не отвечал Центральному, все спешили на улицу следом за Аверьяновым, милиционером Семеновым. Утро после ясной звездной ночи было пасмурное. Туман скрывал гольцы хребта и ближайшие таежные сопки до середины. Все толпились вокруг кедровых, срубленных в темноте и на скорую руку связанных веревкой носилок. Разрезанный надвое мешок валялся рядом. Мальчакитова на носилках не было. Сейчас всем его маленькое отощавшее в бегах тело вдруг представилось не таким уж и маленьким: как оно могло исчезнуть? Тело в напитавшемся кровью ватнике, в изодранных штанах, в потрескавшихся и сбитых ботинках. С головой, обмотанной тряпкой. Кажется, это были запасные чистые портянки лесничего.

Слышно было тяжелое дыхание следователя Круглова. По его рябоватому лицу проходили словно бы волны тумана. Он вглядывался в кедровые жерди, играя желваками. Сросшиеся брови смуглого длинного Андрейченко напряженной черной птицей парили над стеклянными и слегка безумными глазами. Невысокий крепыш Семенов в болоньевой синей куртке оглядывал лица собравшихся, словно спрашивая: ну, что я говорил, увидели сами? Второй милиционер в синей олимпийке с белой молнией, застегнутой до подбородка, от холода напружинивал тренированные плечи и еще глубже засовывал кулаки в карманы брюк. Из открытой двери доносился хрипящий голос Центрального: «Хиус! Хиус!»

Аверьянов посмотрел вверх, словно оттуда и шли позывные.

– Как это так могло?... – проговорил второй лесник.

– Олег, ответь им, – велел Аверьянов.

И Шустов, очнувшись, пошел в зимовье, сел перед «Каратом».

– Я Хиус, Хиус...

Эфир вмиг замолчал, ни хрипа, ни свиста и шороха, только внимающая тишина. Стараясь говорить предельно ясно и внятно, Шустов объяснил ситуацию. Центральный, выслушав, твердо приказал ждать распоряжений и не отключаться.

Когда Шустов вышел из зимовья, он увидел всех в том же положении. Круглов взглянул на него. Шустов сказал, что Центральный даст распоряжение.

И на всех это подействовало, как «отомри» детской игры. Все разом задвигались, заговорили. Круглов цепко осматривался.

– Далеко он уйти не мог! – выпалил Андрейченко.

Щеки его слегка зарделись. В глазах появились огоньки.

– Не мог! – повторил он убежденно и двинулся было к зимовью.

– Стой! – скомандовал Круглов. – Надо сейчас же прочесать местность.

– Ну а я чё, соответствующе? – спросил с воодушевлением Андрейченко.

И он шагнул в зимовье и вскоре вышел, натягивая брезентовый плащ и вешая на плечо ружье, торопливо на ходу закуривая. Шустов, оказавшийся на его пути, смотрел напряженно.

– Чё-о? – спросил Андрейченко с вызовом и недоумением. – Не стой остолопом, а давай за мной.

– Да, шерстить кедровник, – сказал Аверьянов.

– А туда? – спросил Семенов в синей куртке, указывая на Покосы и сопки, наполовину скрытые туманом, за пустыми обширными полянами.

– Вряд ли, – ответил Аверьянов.

– Конечно, в кедровник, – согласился Круглов, бросая взгляд на носилки, словно там уже мог вновь очутиться труп эвенка.

– Ты сперва обуйся, Борис! – воскликнул второй лесник с коротким смешком.

Аверьянов посмотрел вниз. Носки его уже напитались весенней влагой. Вернувшись в зимовье, он начал искать запасные портянки, но сообразил, что их нет, сам вчера перевязывал дурную башку эвенка Мальчакитова. «Как же он встал? – бормотал он, натягивая сапоги на ноги в мокрых носках. – Как поднялся?» Оглянулся на вошедшего Круглова. Тот пришел за выцветшей брезентовой штормовкой.

– Вы же пульс проверяли?

Круглов взглянул на него, молча взял куртку и, надевая ее, вышел. Аверьянов взял со стола пачку папирос, спички и поспешил за ним, но приостановился, вспомнив о «Карате». Вообще связь по «Карату» была неустойчивой в долине. Для хорошей связи надо было забираться на сопку. Но если путь преграждала сопка повыше, то и это было бесполезно. Поэтому обычно «Карат» в полевые не брали. К чему лишняя тяжесть? Выдавали эту рацию только лесопожарным сторожам на вышку. С горы Бедного Света, как ее окрестил Шустов, встретивший там в зимовьюшке прошлой осенью первый ночной снег, был виден поселок в долине, и связь получалась устойчивой. Поколебавшись, Аверьянов все-таки взял «Карат» в кожаном чехле, повесил его на плечо.

Лесники, лесничие и милицейские со следователем, все семеро рассыпались по молодому кедровнику, подступавшему к зимовью и Покосам со стороны небольшой гряды. Шустов иногда видел среди красновато-сизых стволов и зеленых пушистых веток фигуры и лица. Сам он шел справа от Андрейченко. С другой стороны шагал метрах в пятнадцати Семенов. Под ногами расстилались серые причудливые мхи.

Вскоре Шустов заметил в дымке среди стволов словно бы повисшие в воздухе кровавые крупные капли. Он даже запнулся и следующий шаг сделал с трудом, оглянувшись на фигуру лесничего в стороне. Еще через несколько шагов он сообразил, что это розовые цветы на голых ветках. Куст багульника он обходил все же с некоторой опаской, что ли... Рододендрон, – вот как он называется... Шустов оглянулся и поймал взгляд Андрейченко в плаще и с ружьем. Ему стало не по себе почему-то.

В другом месте Шустов заметил сторбившуюся фигуру... коричневую... Это был тухлявый пенёк.

В самом деле, где Тунгус?

Земля начала повышаться. Они поднимались на невысокую гряду. Среди кедров серели камни, валуны. С противным криком полетела кедровка. Туман не рассеивался. Накапывал дождь.

– Да не ползет он сюда, – сказал Андрейченко, сближаясь с Шустовым. – Силы не те. Давай, соответствующе, покурим.

Они закурили. По вороненой стали ружья стекали капельки влаги. Шустов невольно следил за ними.

– Но был мертв, – словно бы самому себе отвечал Андрейченко. – И вдруг ожил. Во лбу дырка с яблоко.

Шустов молчал.

– Надо возвращаться! – закричал вдруг Андрейченко, и Шустов, вздрогнув, посмотрел на него.

Кричал он появившемуся среди скал Аверьянову. Крик его как-то странно вяз, звучал, словно в пустой комнате, обложенной ватой. Но Аверьянов вроде бы слышал. Постоял,

глядя на скалы, повернулся и пошел к ним. Тоже закурил, дунув в бумажный мундштук папиросы и смяв его потом гармошкой.

– Откуда у него силенки-то? Сюда переть? – спросил Андрейченко. – Сам помаракуй, Борь. У него дырка была, соответствующе, с яблоко.

– Дырка... это ладно, – проговорил Аверьянов, рассматривая большую ладонь. – Пуля, может, и не в голове, а тирком прошла, оглушила. А вот пульс, пульса не было. Следак этот щупал. Не было. Не мог же ошибиться, соврать, повидал, наверняка, трупиков.

– Ну... Тунгус... – Андрейченко смачно плюнул.

– Ладно, пойдем, – сказал Аверьянов. – На совет... в Филях, – добавил он с усмешкой и взглянул немного вопросительно на молодого лесника, мол, эй, вчерашний школяр, правильно говорю?

На обратном пути снова попался куст багульника.

– Ишь рано как в этом году бросился в цвет, – проговорил Аверьянов. – Сходи вдоль гребня, – велел он Шустову, – скажи мужикам, чтоб в зимовье топали.

Шустов пошел влево. Вскоре ему встретился следователь Круглов. Своих подчиненных он громко окликнул, и те отозвались. Шустов прошел еще вдоль гребня и покричал другому леснику. Ответил и он.

Когда Шустов подходил к зимовью, то увидел сизый дымок, вившийся из железной трубы. Кто-то уже успел развести огонь. И сердце его дрогнуло при мысли о дымке над домом в поселке... Но погода и сегодня нелетная. В горах туман немного рассеялся, а дождь пошел сильнее. Шелестел по крыше, укрытой щепой, как черепицей. Чайник стоял на печке.

– Одного будет мало, – сказал Андрейченко, взглядывая на вошедшего Олега. – Сходи за водой.

Воду приходилось брать в сотне метров от зимовья, в речке. Шустов пошел туда с ведрами. «Раз молодой, то и бегай», – думал он, но сейчас это не вызывало раздражения. Наоборот, хотелось что-то делать, двигаться, не ждать. Он нагнулся и зачерпнул из медленного потока воды. И, разгибаясь, увидел странную птицу: длиннохвостую, изящную, с белой головкой и черными глазами, поменьше обычной синицы. Глаза особенно выразительны были на белом фоне. В этой птичке было что-то необычное. Шустов стоял и не мог оторвать от нее глаз. Птичка перелетела с ветки на ветку кустарника, посидела, покачивая длинным черным хвостом, звонко цвикнула и унеслась. Ну, странная... Как будто в каком-то маскхалате... То есть сверху еще зимний наряд, белый, а снизу уже летний... Постояв еще под дождем, Шустов нагнулся, зачерпнул второе ведро и направился к зимовью. Шел и думал, что надо будет узнать про эту птицу... И мгновенно вспомнил, что такой же момент был. Был? Да когда?

Подходя к зимовью, он припомнил, что так же вот ходил за водой на заснеженном берегу, когда они отправились вытаскивать рыбацкий катер, и заметил в зимней реке птицу, шныряющую под водой, быстро-быстро бегущую в кипящих струях по камням. И тогда он тоже хотел узнать, что это за птица. Аверьянов разъяснил: оляпка. Но прежде он увидел краем глаза солдата с чемоданчиком, в шинели, в зимней шапке, с офицерской кокардой, как это заведено у дембелей. Это был Миша Мальчакитов. И сейчас... сейчас он тоже покосился в одну сторону, потом в другую, чувствуя холодок на спине. Но возле зимовья никого не было.

А в зимовье трещали дрова, стлался в воздухе сизый табачный дым и раздавались голоса. На столе лежала карта. Аверьянов водил по ней толстым пальцем, желтым от табака. Круглов и милиционеры внимательно следили за пальцем.

Один из милиционеров предположил, что тело мог утащить зверь, медведь. Андрейченко рассмеялся своим неприятным, каким-то железным трескучим смехом: в такие

моменты казалось, что звук воспроизводится в панцире, в музейном рыцарском панцире. У Андрейченко и в самом деле грудь посередине выступала таким клином.

– Медведь, парень, – сказал он, пуская дым сквозь глянцевого желтые клыки, – следы не токо по зиме оставляет. А у нашего брата есть глаза, поверь. – И он направил себе в глаза растопыренные пальцы.

Милиционер смущенно потер переносицу. Но тут ему на помощь пришел матерый рябой Круглов.

– Так что ж глаза следопыта не разберут, в какую сторону удрал наш подопечный?

Андрейченко слегка смутился, кашлянул в кулак.

Круглов глядел на него пытливо.

– На то и тунгус, – тише сказал Андрейченко. – Ходить умеет. Настоящий ходок не оставляет следов, соответствующе.

– Надо было нам Шерифа взять, – откликнулся милиционер Семенов, поглаживая щетинистый округлый сытый подбородок. – Наш песик мигом схватил бы след хоть черта, хоть тунгуса, хоть самого господа бога.

Послышались позывные, Аверьянов подвинул к себе «Карат». Центральный спрашивал о происходящем на Покосах. Аверьянов отвечал, что они планируют разделить на две группы и пойти по тропе вдоль одной реки – по долине – и вдоль другой, что течет за скалистым гребнем. То есть получались такие полевые по северному и южному кругам. Только на этот раз полевые были не по учету зверей. Искателям нужны были хоть какие следы человека, Миши Мальчакитова. Скорее всего, объяснял лесничий, взлохмачивая свою пегую шевелюру сильной пятерней, парень по одной из этих троп и побежал... Он запнулся и поправился:

– Ну, то бишь пошел...

– Мог и побежать в шоке, – авторитетно подтвердил Семенов.

– Если в шоке, то и должен бечь куда глаза глядят, – сказал второй лесник. – А не выбирать тропу.

Он заварил чай. Надо было и поесть хорошенько, но уже кашу решили не варить, все-таки надеялись быстро настигнуть беглеца. Не мог он далеко уйти, хоть с пулей в голове, хоть просто оглушенный и оцарапанный выстрелом. Оцарапанный? А сколько крови вытекло.

Аверьянов сообщил снова об убитой медведице и оставшихся медвежатах. Надо было отправлять сюда трактор с санями. Не Мишу, так медведицу доставлять.

– У меня еще на шее иностранцы! – не выдержал Центральный. – Не хватало, чтоб они пронюхали. Семь бед!

– Пусть под ночь везет, – посоветовал Аверьянов. – А нам уже некогда возиться. Мы уходим.

– Куда?

Аверьянов выругался в сторону.

– По тропам. Разделяемся на две группы, одну веду я, другую Федя Андрейченко.

– Кто убил медведицу? – спросил Центральный.

– Центральный, сеанс закончен, я Хиус, до связи.

И Аверьянов выключил рацию. Второй лесник налил чая.

– Попей, Боря. Хрен его знает еще, сколько шариться придется. Давай, горяченького.

Шустов вспомнил, что хотел узнать про птицу, но так и не спросил. Не до этого.

– Медведица, – угрюмо ворчал Борис, – тут неизвестно вообще, жив ли, мертв ли человек, тунгус.

Милиционер Семенов просмеялся, лоснясь тугими щеками, чернея и блестя глазками-пуговками.

– С вами не соскучишься, лесовики!

Хмуро усмехнулся и рябой матерый Круглов.

– Да-а, – протянул он, – дела-а... У меня такого дела еще не бывало. А бывало всякое. Аверьянов, обжигаясь, допивал чай.

– Чё-о?! Надо выходить. Кто с кем? Федь? – спросил он Андрейченко.

– Давай мне Шустова и вон ребят милицейских, соответствующе.

– Молодых и быстрых? – проговорил Аверьянов. – До зубов вооруженных.

– Ну, Шустова и одного милицкого хлопца, – сказал Андрейченко.

– Кому-то надо и в сторону поселка идти, вдруг он туда двинул, – сказал Круглов. – Одного лесника, например, и моего Прохорова. И на Большую землю из поселка сообщить обо всем.

– Все согласны? – спросил Аверьянов. – Хоп! Идет!

И он с грохотом поставил опустошенную кружку, встал. Поднимались и остальные, собирались. Выходили под дождь, оглядывая мутные небеса, натягивали капюшоны. И расходились от зимовья тремя группами.

Шустов снова увидел мелькнувшую в мокрых кустах птичку в белом капюшоне, оглянулся, но лесничий Аверьянов уже крупно шагал в свою – северную – сторону и был далеко. А у Андрейченко спрашивать Олег не хотел.

Втроем они шли через поляны Покосов, по направлению к горам, заросшим кедрами и наполовину скрытым туманом.

4

Они объявились!

Серебристая внезапно учуяла их. Этот запах ни с чем другим не спутаешь. Дрожь пробежала волной по ее шерсти, коричневой в основе, но с серебряным налетом: словно кабаргу однажды и навсегда нарядил инеем мороз. Взгляд влажных больших карих глаз беспокойно скользил по туманным склонам, – ветерок тянул оттуда. Уши Серебристой напряженно ловили звуки этого ветерка, малейшие шорохи, шелест травы, стук старой выпотрошенной Дятлом шишки, скатившейся по камням, клекот речной воды. Крупный темный нос втягивал ветерок. И снова густо нанесло серым острым запахом. Серебристая стояла, уже перебирая копытцами, готовая сейчас же сорваться с места и полететь прочь среди могучих стволов, отливающих таким же серебристым цветом, – и дальше, вверх по реке, к осыпям, скалам и своей Рыжей Скале, доступной только для нее.

На этой Рыжей Скале, покрытой рыжеватыми лишайниками, Серебристой приходилось не раз спасаться от разных недругов, за исключением беломордых небольших медведей, всегда ходящих на задних лапах, а большие медведи с косматыми мордами только иногда на задние лапы встают: для того, чтобы получше разобрать ветер, пометить ствол дерева, потереться об него хребтиной. Беломордые в этих пределах не преследуют ее. Но, конечно, это не означает, что от них не надо таиться. Жизнь Серебристой с самых первых шажков следом за матерью полна опасности. Защищаться Серебристой нечем. Ее спасение – мчаться наперегонки с ветром к Рыжей Скале или к другим таким же неприступным скалам. У Белоухого, отца новой жизни, уже весомо присутствующей в теле Серебристой, как будто есть оружие – его клыки. И он пускал их в ход, борясь с другими за нее, нежную Серебристую, минувшей зимой. Но уже Белоухий ходит где-то сам по себе, да и клыки его только против соперников во время гона. Ни от когтей Рыжей Полосы, свирепой росوماхи с ярко-желтой полосой вдоль всей спины, ни от зубов Черного, очень темной масти молодого медведя, ни даже от резцов и коготков соболей или от клювов орланов они не спасут. Да, и сверху может пасть несчастье: сильный орлан с белым хвостом и желтым мощным клювом и крючьями-когтями, бьющий упругими крыльями, как двумя ветрами.

Сейчас, на утренней пастьбе – Серебристая привставала, как медведь Черный или беломордые, на задние ноги, передними опиралась на ствол и быстро срывала губами, зубами бледно-зеленые бороды мха, опускалась, тщательно пережевывала и снова поднималась, – и в это время ветер и принес серый густой аромат страха. Серебристая бросила жевать и теперь слушала, смотрела и нюхала воздух, волглый, тяжелый. На ее шерстинках ртутно блестели капельки начавшегося дождя. Обычно в такую погоду трудно поймать запах далекого зверя. Но внезапный Ветер предупредил ее.

Серебристая была не одна. И может быть, Ветер знал это. Или же он подчинялся кому-то еще.

Несколько весен назад Ветер поступил иначе, относил серый запах в сторону – и вдруг они высыпались из снежной мглы, сами похожие на эту крутящуюся мглу, на снежные вихри, мягкие, со сверкающими звездами глаз. И сестры кабарожки кинулись прочь, а мать – прямо навстречу клубящимся серым. Но их было несколько, и только одного ей удалось отвлечь – и тут же рухнуть в снег с разорванной шеей. Остальные гнали двух сестер и повалили их под осыпью, а Серебристая, рвавшая мох на упавшем, но не легшем на землю дереве, затаилась среди зеленых пушистых ветвей.

Все было быстро покончено с матерью, сестрами, и остались только кровавые следы вихрей, унесших их, – и густой серый запах. Серебристая простояла на поваленном дереве до утра и надолго пропиталась этим запахом смерти.

Но исчезли Волки так же внезапно, как и набежали в этот край. И долго не возвращались.

И вдруг – вернулись.

5

– Ну, чего ты там пишешь?

Шустов обернулся. Андрейченко, нескладный, длинный, в тельняшке с засученными рукавами медленно спускался по тропинке к речке с почерневшим чайником. Шустов нахмурился. Не услышал, как лесничий подходит, речка здесь шумела, билась, вскипая белой молочной пеной, захлестывая серые и темные, зеленоватые, черные камни.

Лесник закрыл общую тетрадь, сунул ее за пазуху:

– Да так...

Они дошли под вечер до зимовья и решили здесь ночевать. Уже и поужинали рисовой кашей с конской тушенкой, напились крепкого чая. Но Андрейченко захотелось, видимо, еще чайку. А Шустов устроился как раз у реки на тропе писать в сумерках. Андрейченко ухмыльнулся, почесывая плечо почерневшей от солнца пятерней. Крепкая загорелая шея резко выделялась, крупно вырастая из тельняшки с ослепительными полосками. Это сейчас настала пора туманов, всю раннюю весну поселок, тайгу, море подо льдом заливало безудержное, крымское, как пишут в путеводителях, солнце.

Андрейченко ступил на валун, присел, опустил в хлещущие струи реки чайник, тот почти мгновенно наполнился, вода потекла через носик. Шустов встал, подумав, что потом допишет. Вместе они поднимались к зимовью, бревенчатому домику у трех серебристых необыкновенно высоких кедров в три обхвата. «С девятиэтажный дом, наверное», – прикидывал Шустов, окидывая взглядом пышных гигантов.

В зимовье Андрейченко поставил чайник на печку, подбросил дров, чайник сразу зашипел.

– Как в бане уже, – сказал с неудовольствием милиционер Семенов, лежавший в майке на нарах, устеленных пахучими пихтовыми лапами с мягкими иголками.

– Пар костей не ломит, – ответил Андрейченко и попросил входящего Шустова дверь не закрывать. – Строчит чего-то, – сказал он, кивая на молодого лесника.

Милиционер посмотрел на лесника. Тот сел на нары напротив.

– В смысле?

– Хронику событий, соответствующе, пишет. Рапорт в высшие инстанции, – пояснил Андрейченко. Вообще словечко «соответствующе» было у него любимым, и он его всюду вставлял.

Милиционер смотрел на лесника.

– Дневник. Ну, записи, просто для себя, – неохотно объяснил Шустов, злясь на Андрейченко.

– Моя Юлька тоже такое вела, сестренка, – сказал милиционер, – разноцветными карандашами букровки писала...

Андрейченко засмеялся. Смех ржаво бился в его груди, сходящейся панцирем посередине.

– Не, мои дочки только альбомы с фоточками делали, соответствующе, – сказал он.

– В армии и я делал, – вспомнил милиционер.

– Чего? – не понял Андрейченко.

– Альбо-о-м, – ответил, потягиваясь с хрустом, милиционер.

– Дембельский?

– Ага, – сказал милиционер. – В Приморье службу тащил. В инженерных войсках. Понтонеры наводили.

– Так и наш лесник уже, соответствующе, к дембелю готовится! – воскликнул Андрейченко.

– А тебе когда в СЭА? – спросил милиционер.

Андрейченко снова ржаво рассмеялся.

– Парень косит, – сказал он.

– В смысле? – спросил милиционер.

– Погода нелётная, – буркнул Шустов, краснея, но в полутьме, озаряемой лишь всполохами дров сквозь щели железной печки, этого никто не увидел.

Милиционер даже привстал.

– А на нашем транспорте чё не полетел?

– Так самолет ушел дальше, рейс на Улан-Удэ. А потом уже Светайла не принимала, – чувствуя себя прогульщиком-школяром, отвечал угрюмо Шустов.

– Светайла – это кто такой?

– Начальница аэропорта, – сказал Шустов.

– Уехать-то можно было раньше, – проговорил Андрейченко, ухмыляясь. – Пожить в гостинице или на призывном пункте. И почту вертолет закидывал... Но наш пострел – всюду не поспел.

– Я был как раз в тайге, – сказал Шустов.

– И чего ты там делал?

– Смотрел, – невнятно ответил Шустов.

– Гулял! – воскликнул Андрейченко и потянулся к загрохотавшему крышкой чайнику. Он снял чайник с печки, поставил его на дощечку на столе.

– Сыпани-ка заварочки. Да зажги уже лампу.

Шустов сунул горящую спичку под закопченное стекло, и черный гребешок фитиля занялся синеватым пламенем, потом он взял пачку грузинского чая, приподнял крышку ножом и насыпал в чайник заварки. Милиционер кашлянул в кулак.

– Это ты зря, – сказал он Шустову. – Не со своим призывом не в масть служить. У нас был один учитель, он почти до двадцати семи лет откашивал, учительствовал в самой

глухотамани. А потом решил в родной Новосибирск вернуться, буквально за месяц до дня рождения. И тут-то его загребли. Мальцам было плевать, что учитель и плешь на башке, – по этой плещи и огребал.

– Да, когда еще дашь по башке учителю, – отозвался Шустов.

– Сам виноват, – заключил милиционер.

– На Востоке по-другому.

– Ты что, с Востока? Азербайджанец?

Андрейченко засмеялся.

– Туркмен?

– Просто... читал, – сказал Шустов.

– И что там пишут, соответствующе? – спросил Андрейченко, растопыривая улыбкой смуглое лицо с черными густыми бровями и подставляя кружку. – Ну, плесни.

– Пишут... пишут, – отвечал Шустов, беря ручку чайника старой брезентовой рукавицей, перепачканной сажей, и наливая чай в кружку. – Пишут, что учитель – уважаемый человек. На любом учителе, даже учителе труда или физкультуры, отсветы Учителя.

– В смысле? – спросил милиционер. – Христоса?..

– У них Магомед, – сказал Андрейченко и подул в кружку, – соответствующе.

– Оба с Востока, – сказал Шустов.

– Ну... это... темные люди, – заключил милиционер. – Дикари.

– Ага, похлеще наших эвенков, – сказал Андрейченко, беря сахар, окуная его в чай.

– Нет, – сказал вдруг милиционер, – в эвенках что-то такое есть... Мне приходилось с ними общаться.

– Да что там общаться! – воскликнул лесничий. – Они у нас живут. Вон Кешка со своей Зойкой. И... – он запнулся, – Мишка... жил... или... – Он быстро отхлебнул чая, обжегся и, ругаясь, сморщился. – Падла!.. Кожа теперь слезет с неба. – Он свирепо посмотрел на Шустова, как будто тот и был во всем виноват. – Спирт ихний кумир, и лень – вот, соответствующе, ихняя особенность. Кешка чего с нами не пошел? Племяша спасать от голодной гибели? Да лень ему, и все, – говорил лесничий, ожесточенно глядя в кружку.

– Они следопыты еще те, в тайге им замены нет, – делился своими знаниями милиционер. – В городе – да, не жильцы, как говорится.

– Вот Кешка и не пошел, а он бы тут враз племяша унюхал, по маленькой ворсинке нашел бы, – проговорил Андрейченко и, оскалась, начал дуть на чай в кружке.

– Я думаю, это вы его из своего ствола подбили, – сказал милиционер. – Мы с Колей дырявили медведицу. Из короткого ствола тут не ошибиться было. А длинный – и дал траекторию такую.

– Это еще неизвестно! – отрезал Андрейченко. – Чего на меня вешать собак. Привыкли, соответствующе...

– Ага, будем еще разбираться, конечно. Нам бы труп найти. А то забежит в болото и потонет. Главную улику унесет.

– Он сам как улика, – проговорил Шустов.

Андрейченко и милиционер посмотрели на него.

– В смысле? – спросил милиционер, морщина покатым потным лобом с большими надбровными дугами и буравя лесника своими глазенками-пуговками.

– Не знаю, – пробормотал Шустов уклончиво.

– А чего тогда... разводишь, – буркнул Андрейченко.

– Я думаю, – сказал Шустов, – он ни в чем не виноват.

– А кто, сварщик? Кузьмич? – резко спросил Андрейченко.

Шустов пожал плечами.

– Может, и не он.

Из тайги донесся протяжный клик. Все замолчали, глядя в открытую дверь. Клик повторился.

– Лебеди на Верхних озерах, – проговорил Андрейченко.

Снова слушали тайгу. Свет лампы достигал только порога, а дальше уже стояла тьма, синеватая вверху.

– Так и кто это мог, по-твоему, устроить? Пожар-то? – напомнил милиционер, внимательно глядя на Шустова.

– Да откуда я знаю, – нетерпеливо ответил лесник и полез в карман за сигаретами.

– Тунгус, тунгус, по дурости, – убежденно сказал Андрейченко, – соответствующе.

Лицо его было ржавым от света керосинки. Как, впрочем, и лица остальных. Шустов в стекле оконца видел отражение зимовья, лампы.

– Он у тебя и канистру с керосином утащил, – напомнил лесничий.

– Тут уже какое-то намерение, а не глупость, – заметил Семенов. – Кому-то хотел отомстить?

Андрейченко кивнул.

– Кому? – не унимался Семенов, хотя уже все эти вопросы сто раз задавались и Андрейченко, и Шустову, и самому Мише Мальчакизову. Хотя, возможно, именно Семенов в допросах и не участвовал. Вел дело следователь Круглов.

– Всем, – сказал Андрейченко, ставя кружку на стол и отыскивая в кармане висящего плаща папиросы.

– Как это?

– А так, соответствующе, – сказал лесничий и сильно дунул в бумажный мундштук, потом смял его гармошкой и закурил. – Всему поселку.

– Я слышал, его из комсомола хотели исключить? – уточнил Семенов. – Неужели из-за этого обиделся?

– Это ерунда, – сказал Андрейченко. – Чихал он на комсомол. Тунгус и есть тунгус. Да и не исключили бы его. Комсорг Славникова так, попугать хотела. Приструнить, чтоб водку не жрал. Он слово на собрании давал... – Андрейченко усмехнулся. – И остальное воинство, кореша его... тех эл-тэ-пэ⁷ застрашали. Оно, может, и пора уже.

– А тогда что же?

– Его обида глубже, соответствующе, – веско проговорил лесничий. – Ему ведь, ну не прямо ему самому, а его родственникам, роду его – все здесь принадлежало. Тунгусы здесь обитали и царили и царя не знали. Ну, где-то там в Иркутске этот, губернатор, соответствующе, казаки, полиция, железная дорога. А здесь – закон-тайга. Сам себе хозяин тунгус. У него олени, берданка, а вокруг соболя прыгают, в море нерпа, на полянках боровая дичь. Летом тунгус к вершинам кочует, зимой спускается обратно, соболя бьет, рыбачит, на своих нартах по Байкалу – ух! – лётает, соответствующе. – Андрейченко закашлялся, глотнул остывшего чая, снова принялся за папиросу. – Ну, чего б так не жить? А тут его, тунгуса, царь и подвинул. Не сам, конечно. А иркутский генерал-губернатор. Погрузил всю братию на баржу и увез вон под Нижний. Тогда Верхнеангарский острог. Родители Мишки уже на рыбозаводе трудились. Для тунгуса это каторга. На свадьбу к брату сами на моторке пошли через море, да тут их и накрыла сармочка-то⁸, соответствующе. Мишка сиротой остался. Дядька Кеша его с собой забрал, когда переезжал в заповедник служить. Рыбозавод был на Ольхоне. Мишкин отец туда бы не пошел ни в жизнь ишачить, если бы жили тунгусы в этой заповедной долине по-прежнему. Соответствующе, он, Мишка, и затаил жабу. Связал завод и заповедник, смерть батьки с мамашей с этими... всеми обстоятельствами, короче. –

⁷ ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий, учреждение для принудительного лечения алкоголизма и пьянства.

⁸ Сарма – сильный шквалистый ветер из долины реки Сарма.

Андрейченко выдохнул дым, наклонился к печке и сунул окурок в рдяную щель железной печки. – Что тут непонятного, в общем? Соответствующе?

Милиционер подвигал покатыми мускулистыми плечами и проговорил:

– Да как-то... Не сразу врубишься.

– А ты помозгуй, помаракуй хорошенько, – посоветовал Андрейченко.

– Нам необходимы факты, – ответил милиционер сурово. – А... не истории.

– Так история и есть факт, – сказал Андрейченко. – И она у него разыгралась, как водочки-то перекушал. Воспламенилась – сперва в его мозгах, соответствующе, потом и наяву. Он после армии здорово квасил. Вон и Олег подтвердит.

Они посмотрели на лесника. Тот молчал, клонил голову.

– Чё-о, паря?! Спишь? – воскликнул Андрейченко и потянулся, хлопнул Шустова по плечу.

Шустов не спал, все он слышал и думал, что лесничий во многом и прав. Но только он не верил, что Мальчакинов устроил пожар, поджег телестанцию, от которой загорелся еще и магазин. Миша был неспособен на это. И родовой зверь был у него – кабарга, а не волк или медведь. Он сам об этом рассказывал Валерке.

– Да, пора на боковую, – проговорил Олег.

– И то правда, – согласился лесничий. – С утра пораньше погоним нашего соболька.

– Если б еще знать, что он действительно по этой тропке ушел, – сказал милиционер Семенов.

– А я чую – по этой, – без раздумий откликнулся лесничий и даже потянул крупным носом воздух, крепко пахнувший пихтой и табаком.

Шустов и Семенов посмотрели на него и ничего не ответили, начали укладываться на нарах. Последним лег Андрейченко, закрыв дверь и дунув в лампу. Стало темно. Только в углу железная печка рдела щелями и дырками в дверце, что-то нашептывала, пощелкивала. А за оконцем студено клокотала речка, будто откликаясь.

6

Туман на следующий день рассеялся, но пошел сильный дождь. Группу он застал уже в пути. Люди шли, оскальзываясь на камнях, глядели по сторонам. Уже никто, кроме Андрейченко, не верил, что эвенк пошел по этой тропе. Но и на другой – по северному кругу – его пока не обнаружили, Андрейченко выходил утром на связь с той группой по «Карату», отданному ему Борисом Аверьяновым. У Круглова была своя рация.

Раненого и обессиленного долгими блужданиями человека они давно бы уже настигли. Это было ясно. На перекуре под густым кедровым шатром Семенов высказал эти соображения лесничему, Шустов поддержал его, но, впрочем, достаточно вяло. Возвращаться в поселок он не хотел, чтобы не угодить на прилетевший самолет и не отправиться в армию. Какая еще армия? Вырвать два года такой интересной, напоенной дурманящим запахом багульника жизни? Да, всюду рос этот кустистый болотный багульник, наполняя воздух пряным и в то же время слегка горьковатым и терпким ароматом.

Где-то в глубине шелестящей тайги заунывно каркал ворон. Может, он уже рвал труп того, кого они искали.

Андрейченко слушал Семенова, глотая папиросный дым. Наконец он заявил, что полностью согласен, соответствующе... Но все-таки им лучше дойти хотя бы до перевала, до гольцов. Было похоже, что говорит это он как-то помимо воли. В самом деле, вряд ли обнаружение Мальчакинова, живого или мертвого, было ему на руку. Если ружейная пуля попала в Тунгуса, то это грозило неприятностями лесничему. Убийство по неосторожности, – Шустов слышал о такой статье. Хотя... неужели Тунгус ходит с пулей в башке?

И в то же время какая-то сила заставляла Андрейченко преследовать Тунгуса. Какой-то странный азарт... И он не мог остановиться.

Но где он, Тунгус? Кого они пытаются настигнуть?

Снова в тайге хрипло прокаркал ворон.

– Короче, надо идти, соответствующе, – сказал Андрейченко, подставляя окурок под капли, сбегавшие с кедровой ветки.

И они шли по тропе дальше, вверх среди лохматых и огромных кедров, изумрудных пихт. Ели попадались редко.

Одежда на них уже вымокла, в сапогах хлюпало. Но было тепло, даже душновато, видимо, от ходьбы. Они поднимались в горы. Чаше встречались скалы, впереди уже виднелись склоны, сплошь заросшие зелеными подушками кедрового стланика. Человек мог свернуть с тропы и где-то упасть в такие подушки, – разве его найдешь? Если только с ищейкой. Но дожди уже смыли его след.

Шустов посматривал на Андрейченко, неумоимо шагавшего впереди всех. Он сам был похож на какую-то фантастическую ищейку, лайку, рыскавшую на задних лапах.

Вечером тайга осталась позади. Уже стало прохладно, даже холодно. Вдалеке вершины покрывал снег. Под низкими серыми облаками с полосами дождей виднелась седловина перевала. У последнего островка деревьев, лиственниц, занесенных свежим налетом зеленых иголок, стояло зимовье. Но они еще долго шли к этому домику, спотыкаясь, бормоча проклятия, и скрипучую дощатую дверь открыли уже в сумерках... Первым Шустов входил. И внезапно его пронзило необычное чувство присутствия человека, того, за кем они шли... То есть ему внезапно живо представился Тунгус, полулежащий на нарах слева от окна, пропускавшего тусклый свет.

– Чего ты? – спросил Андрейченко и подтолкнул его.

Шустов прошел дальше и увидел, что это свернутые старые одеяла. Семенов закашлялся.

– Э, ты не простыл?

– Надо было спирта взять, – сипло отозвался Семенов.

Они были мокры насквозь. Казалось, что ничего уже у них не получится – ни огонь развести, ни поесть, высушиться... Но люди упорны. И Андрейченко тут же принялся строгать стружку охотничьим ножом, – тунгусскую стружку, как ее называли. Завитки делались на одной лучине и не срезались до конца. Тонкие окончания быстро занимались пламенем, переходившим на древесные перья потолще и на толстые основания, уже горевшие сильно и способные воспламенить поленья. Правда, на этот раз стружка не загорелась сразу, с Андрейченко так густо падали дождевые капли, что замочили растопку. Чертыхаясь, он вытер большие кисти о рваное одеяло, утер этим одеялом и лицо, чуб, скинул мокрый плащ и снова навис над железной печкой. В этой печке сейчас сосредоточилось все, вся вселенная, вся жизнь планет, солнц и земли с ее городами и весями. Шустов и Семенов с мучительным напряжением следили за лесничим, за его темным хищным лицом с выступающим костистым носом – и, кажется, глазам своим не поверили, когда это лицо вдруг озарилось теплыми сполохами... Да, по его лицу переливались розовые блики. И Шустов сейчас испытывал к этому человеку благодарность, даже восхищение чувствовал, хотя, по правде говоря, с тех самых пор, как заварилась эта история с пожаром и Андрейченко принялся, что называется, валить Тунгуса, лесничего невзлюбил. У Андрейченко была своя выгода, и уже многие в поселке об этом догадывались. Сварщика, мужика средних лет, которого почему-то сразу, как он только приехал в заповедник, стали звать по отчеству – Кузьмич, что было не в традициях поселка, где даже пожилых работников называли только по именам, ну, начальство-то в глаза и по отчеству, а за глаза – все равно по имени, мужика этого со светлым чубом и разными глазами, хватистого и крепкого, Андрейченко привечал всячески из-за дочери.

Старшая дочь у него ходила в старых девах. Даже непритязательные лесники и бичи, любящие пошутить насчет того, что в тайге сто километров не крюк и сто лет не старуха, от его дочери нос воротили и дали ей кличку Плесневелая. Что-то такое в ней было отталкивающее. А Кузьмичу, квартировавшему после переезда с кордона для сварочных работ на «Орбите» у Андрейченко, хоть бы хны. Все с изумлением сообразили, что у сварщика с Плесневелой роман. Андрейченко не хотел упускать шанс для дочери и приложил все силы, чтобы выволить из камеры на Большой земле сварщика, поначалу и обвиненного в пожаре по недосмотру: он как раз закончил на «Орбите» сварочные работы. И вместо сварщика в застенки угодила Тунгус. Андрейченко постарался. И сейчас старался... догнать эвенка... или уже его тень...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.